

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-2-227-246
УДК 159.99

Теоретическая статья

Вовлеченность в террористическую деятельность в России и мире: от психологических к социально-психологическим факторам

Б.Г. Бовин¹, П.Н. Казберов¹, И.Б. Бовина²

¹Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России
Российская Федерация, 125130, Москва, ул. Нарвская, д. 15А, стр. 1

²Московский государственный психолого-педагогический университет
Российская Федерация, 127051, Москва, ул. Сretenка, 29

Аннотация. Терроризм является чрезвычайно серьезной проблемой современности, это реальная угроза обществу, существованию человечества в целом. Цель предлагаемого в работе теоретико-аналитического исследования проблемы терроризма заключается в рассмотрении психологических и социально-психологических факторов вовлеченности в террористическую деятельность. Для выполнения заявленной цели фокус внимания направлен на ряд зарубежных работ, а также обозначается исследовательская линия проблемы терроризма, которая позволила бы сформулировать систему мониторинга молодежной среды. Этим определяется новизна и значимость настоящей работы. Актуальность обращения к этой комплексной междисциплинарной проблеме объясняется тем, что меры по противодействию терроризму с необходимостью опираются на знание психологических закономерностей, по которым происходит радикализация. Ровным счетом как и разработка мер профилактики, направленная на различные группы населения, а также создание программ по дерадикализации, базируются на понимании механизмов социального поведения. Стартовой точкой в работе оказывается концепция современного терроризма, предложенная Ж. Бодрийяром, ибо в ней достаточно точно охарактеризована специфика современного терроризма (глобального терроризма), что гармонирует с результатами психологических исследований и концепций, объясняющих то, почему человек встает на путь совершения актов крайнего насилия. В статье обсуждается вопрос существования профиля террориста, рассматривается специфика мотивации террориста. Особое внимание уделяется идеям М. Хогга, в рамках теории неопределенности – идентичности которого намечаются перспективы дальнейшего развития проблемы терроризма и радикализации.

Ключевые слова: терроризм, радикализация, профиль террориста, мотивация террориста, Россия, противодействие терроризму, социальная идентичность, социальные медиа

Введение

Терроризм – чрезвычайно серьезная проблема современности, реальная угроза обществу, существованию человечества в целом (Зинченко, Сурнов, Тхостов, 2007; Wiewiorka, 2020). В Глобальной базе данных по терроризму с

© Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

1970 по 2018 г. зафиксировано 191 464 теракта (Global Terrorism Database, 2020). Насколько позволяет судить динамика количества погибших в результате терактов, отраженная на рисунке, после пика 2014 г. к 2018 г. отмечается спад на 52 %. Можно заметить, что террористические акты локализованы в некоторых регионах мира: Ближний Восток, Южная Азия, Африка к югу от Сахары. На долю именно этих регионов пришлось 93 % жертв терроризма с 2002 по 2017 г. (Global Terrorism Index 2019..., 2019). Но оснований для оптимизма пока нет, ибо специфика современного терроризма, трансформировавшегося из *классического* в *глобальный*, стратегии воздействия, умело использующие технологии современного мира, способствующие вовлечению в террористическую деятельность, радикализация в местах лишения свободы (Журавлев, Юревич, 2016; Оганесян и др., 2019; Тихонова, 2018; Conesa, Huyghe, Chouraqui, 2016; Moliner et al., 2020) – все это лишь некоторые аспекты сложной проблемы под названием «терроризм».

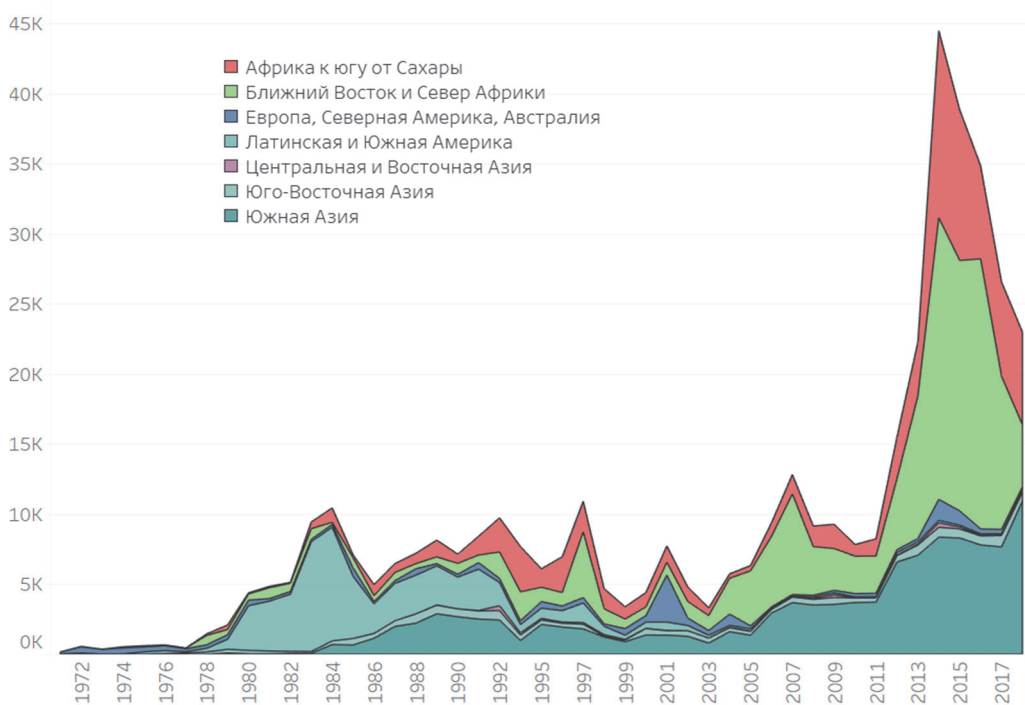

Рисунок. Количество погибших в результате терактов в различных регионах мира, 1972–2018 гг.
[Figure. Deaths from terrorism in different regions, 1972–2018]

Примечание. Расчеты выполнены авторами на основе данных, представленных в Глобальной базе данных по терроризму (Global Terrorism Database, 2020).

[Note. The calculations were made by the authors on the basis of data presented in the Global Terrorism Database (2020).]

Вопросы профилактики и противодействия экстремизму и терроризму в последние 20–30 лет приобрели особую актуальность и важность не только в нашей стране, где разработана и реализуется комплексная программа, направленная на профилактику терроризма и формирование антитеррористического сознания (Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации, 2018), но и во всем мире.

Успешность этого противодействия определяется знанием механизмов, по которым происходит вовлечение в террористическую деятельность, факторов, определяющих готовность совершить террористический акт, особенностей процесса радикализации.

Как подчеркивает М. Вьеверка (Wieviorka, 2020), на исследовательском уровне проблема терроризма продолжительное время являлась своего рода маргинальной областью исследований для гуманитарных и социальных наук, будучи менее *благородной и престижной*, по сравнению с другими. М. Вьеверка усматривает причину такого положения в несоответствии этого предмета канонам академической жизни. Анализ терроризма с 1960-х гг. предпринимался преимущественно экспертами, связанными с разведывательными службами. В современной ситуации изучение проблемы терроризма является частью общей эволюции социальных наук (Wieviorka, 2020).

Отечественные специалисты не только предпринимают самые активные шаги, направленные на анализ западного опыта по проблеме терроризма и радикализации, но выстраивают оригинальные объяснительные схемы того, почему люди становятся террористами, реализуют эмпирические исследования, объектами которых становятся люди, вовлеченные в террористическую активность (Журавлев, Юревич, 2016; Соснин, 2016; Соснин, Нестик, 2008; Юревич, 2016).

Если заимствовать идею В. Дуаза об уровнях объяснения в социальной психологии (Doise, Valentim, 2015), то представляется возможным говорить о том, что в отечественных работах большее внимание уделяется объяснительным конструктам, принадлежащим интраиндивидуальному уровню, в то время как явление терроризма предполагает апелляцию к более высокому уровню объяснения – позиционному, идеологическому или интерсоциетальному. На эту диспропорциональность указывает В.А. Соснин (2016).

Цель теоретико-аналитического исследования проблемы терроризма заключается в рассмотрении психологических и социально-психологических факторов вовлеченности в террористическую деятельность. Для выполнения заявленной цели преимущественное внимание уделяется анализу зарубежных исследований, а также обозначается исследовательская линия проблемы терроризма, ведущая к разработке системы мониторинга молодежной среды. Этим определяется новизна и значимость работы.

Проблема терроризма и вовлеченности в террористическую деятельность в разных странах

События 11 сентября 2001 г., несомненно, изменили мир, сделав первостепенными вопросы коллективной безопасности в странах Запада. В ответ на это террористическое нападение, направленное против США, НАТО впервые в истории своего существования использовала положение о коллективной обороне. Террористы в очередной раз напомнили, что ведут борьбу с западным стилем жизни, ценностями Западного мира в ходе Парижских терактов 13 ноября 2015 г. Вопрос о необходимости международного сотрудничества стал актуальным как никогда.

В России проблемы терроризма в конце XX в. изначально имели свои отличительные особенности, едва ли касающиеся противостояния стилей жиз-

ни, систем ценностей. В частности, специфика «современного терроризма, с которым столкнулась Россия на Северном Кавказе, – это сращивание на основе радикального ислама религиозного, этнического и криминального терроризма, поддерживаемого международными структурами» (Соснин, Нестик, 2008. С. 34).

Однако теперь, как и в случае других стран, угрозу представляет глобальный терроризм.

Терроризм, определяемый как «действия негосударственных субъектов, связанные с угрозой или фактическим применением незаконной силы или насилия для достижения политической, экономической, религиозной или социальной цели посредством страха, принуждения или запугивания» (Gelfand et al., 2013. Р. 496), являет собой достаточно старинную проблему в жизни общества (Koomen, Van der Pligt, 2016).

Представляется возможным говорить о разных видах терроризма (Koomen, Van der Pligt, 2016):

1) *терроризм левого толка* (например, «Фракция Красной Армии», образованная в ФРГ в 1968 г., «Красные бригады» в Италии (1970) – в обоих случаях речь идет о леворадикальной идеологии, следуя которой члены организаций совершали акты неповиновения, убийства, нападения на полицию и представителей власти);

2) *терроризм правого толка* (ультраправая группировка «Секретная вооруженная организация», действовавшая во время войны в Алжире. Деятельность организации была направлена на сохранение целостности Франции, теракты предпринимались против французских политиков и представителей освободительного движения Алжира);

3) *националистический (сепаратистский) терроризм* (ЭТА, будучи леворадикальной группировкой, организация выступала за независимость страны басков – территории, принадлежащей Франции и Испании. Ее деятельность включала убийства полицейских и гражданского населения);

4) *религиозный терроризм*, апеллирующий к религиозным категориям для рекрутирования членов в свои ряды, а также для объяснения своих целей, позиционируемый для последователей как священная война, освободительная борьба. К этой категории относятся группировки различного толка (осуществляющие религиозный терроризм в Индии или акты насилия во имя идей христианского толка (Koomen, Van der Pligt, 2016)). Именно к этому варианту относится терроризм, реализуемый исламистскими фундаменталистскими группировками. Наивысшей точкой в деятельности одной из них – Аль-Каиды – явились события 11 сентября 2001 г. в США, после которых мир стал иным.

«Дух терроризма»

Специфика современного терроризма достаточно точно отражена в работе современного французского философа Ж. Бодрийера «Дух терроризма» (2017), во внимание принимаются социетальные, социальные и психологические аспекты явления, что и оправдывает ее рассмотрение в работе. Автор сформулировал концепцию терроризма, которая перекликается с результатами психологических исследований.

Кратко обозначим основные идеи Ж. Бодрийяра. Итак, масштаб события 11 сентября 2001 г. едва ли сравним с какими-либо акциями, которые происходили в мире до этой даты, ибо, как считает Бодрийяр, девятнадцать камикадзе, благодаря оружию собственной смерти, усиленному современной технологией, запустили глобальный катастрофический процесс, а именно: *террор* против *террора*.

Парадоксально, что энергия, которую использует терроризм, не может быть понята в рамках той или иной идеологии, даже исламистской. Как отмечает Бодрийяр (2017), ее цель не в том, чтобы преобразовать мир, а в том, чтобы его радикализировать с помощью жертвоприношений. Одновременно с этим – цель глобализации заключается в том, чтобы реализовать себя с помощью технологий и силы. И тогда – исчезает та разделительная линия, которая позволила бы сделать терроризм видимым, поскольку он находится в самом центре цивилизации, в ней самой. Однако это вовсе не являет собой столкновение цивилизаций, речь идет о фундаментальном антагонизме, который указывает на столкновение торжествующей глобализации с самой собой. Бодрийяр считает, что в результате двух мировых войн цивилизация все больше и больше продвигалась в сторону создания мирового порядка, но сегодня этот порядок, подошедший к своему завершению, сталкивается с силами, которые рассеяны внутри самого глобализма и которые дают о себе знать во всех современных общественных потрясениях. Террористы используют собственную смерть, делая из нее некое средство возмездия, то есть едва ли есть какие-то средства более сильные, которые возможно было бы им противопоставить. Отсюда, как замечает Бодрийяр, и возникает неэквивалентность: один удар по системе обеспечил три тысячи жертв, а главная ценность этой системы – человеческая жизнь.

У террористов все поставлено на смерть, которая одновременно является и реальной, и символической, и жертвенной. Именно в этом и заключается дух терроризма: система сама должна покончить с собой в ответ на многократные вызовы убийств и самоубийств. Террористы, имея в своем арсенале самые современные средства, которыми только владеет система, обладают еще одним – более сильным оружием – своей собственной смертью. Будь то деньги или биржевые спекуляции, информационные или авиационные технологии, зрелищный размах и медиасети, модернизация и глобализация – все это активно и умело используется террористами, причем избранный ими курс на уничтожение системы не изменяется. Пугает тот факт, что террористы стали незаметными, неотличимыми от остальных, ибо они ведут себя как все: учатся, проживают в семьях, спят в своих пригородах, как пишет Ж. Бодрийяр (2017), до того момента, чтобы однажды пробудиться (по аналогии с бомбой замедленного действия) и совершить акт террора. Этот аспект является чрезвычайно важным в настоящее время, так как необходима система мониторинга, которая позволила бы обнаружить этих людей до того, как они перейдут к действиям (Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации, 2018). Безусловно, значительную роль в предотвращении террористической деятельности играют соответствующие структуры, отвечающие за безопасность, однако система мониторинга с необходимостью опирается на психологическое знание.

Моральную ответственность за совершенный акт террора, как отмечает Бодрийяр, возьмет на себя организация, и это ключевой момент, ибо он позволяет исполнителям обрести то самое, необходимое им, спокойствие духа. Психологическое объяснение данного явления находим в исследованиях С. Милгрэма (2016) по подчинению авторитету, где экспериментальная схема предполагала возникновение у испытуемого так называемого *состояния винтика* (ответственность за действия ученика нес учитель), в результате – испытуемый давал разряды электрическим током, доходя до максимального значения, не имея при этом психологических конструктов – будь то «темная триада» или какие-то еще особенности, позволяющие объяснить его действия внутренними факторами. И это еще ярче представлено в работе Ж.-Л. Бовуа, где экспериментальная схема С. Милгрэма была воспроизведена в контексте телевизионной игры, в инструкцию учителя был добавлен пятый уровень, который гласил, что организаторы игры несут полную ответственность за действия ученика (Oberlé, Beauvois, Courbet, 2011).

Террористы, по мысли Бодрийяра, располагают мощным орудием, более того, этот факт так или иначе указывает на групповую природу современного терроризма, но об этом речь пойдет дальше. Если в суицидальный терроризм были вовлечены преимущественно представители бедных слоев населения, то нынешний терроризм – принадлежит богатым, у которых, несомненно, есть все степени свободы и средства для благополучной жизни, и несмотря на это – они желают *нашей смерти* (Бодрийяр, 2017). Факт вовлеченности состоятельных людей в террористическую деятельность, с точки зрения А.Ш. Тхостова с коллегами (Зинченко, Сурнов, Тхостов, 2007), есть реализация потребности в новых и сильных впечатлениях. Придавая результатам С. Милгрэма несколько иное звучание, А.Ш. Тхостов говорит о том, что индивид попадает в ситуацию ролевой игры, где имеется анонимность и так называемое «авторитетное разрешение на поведение», это высвобождает неадекватный уровень агрессии (Зинченко, Сурнов, Тхостов, 2007). Таким образом, состоятельные и образованные, социально благополучные граждане вовлекаются в террористическую деятельность не в силу «избыточной плотности окружающего их бытия, а именно от его легкости» (Зинченко, Сурнов, Тхостов, 2007. С. 29). Идея вовлеченности состоятельных людей в террористическую деятельность поддерживается эмпирическими фактами, свидетельствующими о том, что социально-экономические факторы не объясняют вовлеченности в террор (Galland, Muxel, 2018).

В современном мире информация о террористическом акте получает мгновенное распространение по всему миру, как следствие – событие приобретает необыкновенную силу воздействия, в результате – средства массовой коммуникации становятся практически пособником террористов. Поэтому представляется возможным говорить о том, что в современном мире террор оказывается практически беспомощным без медиа. Даже в случае «Красных бригад» меньшее освещение их «подвигов» в массмедиа снизило привлекательность этих группировок для новобранцев (Зинченко, Сурнов, Тхостов, 2007).

Акт возмездия развивается по сходной спирали, как и сам террористический акт: никто не знает, на чем он остановится, где повернет вспять, что

будет потом (Бодрийяр, 2017). В этом спектакле, по мнению Бодрийяра, и заключается победа террористов. В этом – ее вездесущность, ибо ощутимо проникновение событий не только в экономику, политику, финансы, но даже в мораль и психологию людей. Происходит спад системы ценностей, либеральной идеологии, свободного движения капиталов, товаров; другими словами, случается рецессия всего того, что составляло гордость западного мира, всего того, что он использовал для влияния на остальной мир (Бодрийяр, 2017).

В заключение Бодрийяр (2017) делает мрачный прогноз последствий глобального терроризма: либеральная идея умирает в сознании людей, а либеральная глобализация трансформируется в свою противоположность – полицейскую глобализацию, в вариант тотального контроля и террора безопасности. Либерализация закончится максимальным принуждением и приведет к созданию общества, так похожего на фундаменталистское.

Вовлеченность в террористическую деятельность: психологические переменные

Научный мир также изменился после 11 сентября 2001 г. Если обратиться к цифрам, то вслед за А. Силке можно утверждать, что до указанной даты университетские курсы, посвященные терроризму и контртерроризму, были редким явлением, теперь же эта проблематика повсеместно интегрирована в образовательные программы (Silke, 2019). Кроме того, представляется возможным говорить о скачке исследовательского интереса к проблемам терроризма, пониманию того, как человек вовлекается в террористическую деятельность, становится на путь совершения насилия. Не претендуя на полноту и систематичность анализа в базах данных, таких как PsycArticles или PsycInfo, на основе анализа работ, представленных в системе Google Scholar, А. Силке утверждает, что после событий 11 сентября 2001 г. и до 2016 г. каждый день публикуется по 100 работ (будь то книги, журнальные статьи или тексты диссертаций), в которых присутствуют понятия «терроризм», «террорист». И этот процесс продолжается, проблема терроризма не исчерпана, не закрыта для научного анализа, исследователи находятся в поиске объяснительных схем этого явления современности, новые призмы анализа позволяют последовательно приближаться к ответам на вопросы о механизмах радикализации, без которых едва ли возможно предпринимать дерадикализацию и проводить профилактические меры.

Для сравнения скажем, что в научной электронной библиотеке *eLIBRARY* по ключевому слову «терроризм» за промежуток времени с конца 2001 до мая 2020 г. имеется 10 956 работ, статей же, включенных в базы WoS и Scopus, – всего 218, причем значительная часть работ принадлежит перу представителей политических, юридических и исторических наук (по кодам ГРНТИ).

Вовлеченности в террористическую деятельность предшествует процесс радикализации. Для объяснения того, как происходит этот процесс, исследователи используют самые различные теоретические конструкты. Пути радикализации варьируют в зависимости от времени и контекста, к тому же имеет место определенная специфика, связанная с культурой (Gelfand et al., 2013). Изучение литературы дает основание выделять две линии изучения радика-

лизации: одна отдает предпочтение анализу различных факторов, которые влияют на этот процесс, другая – ставит в фокус внимания само содержание процесса радикализации, эта линия представлена в нашей более ранней работе (Тихонова и др., 2017). Факторы, влияющие на радикализацию, группируются на макро- и микроуровнях (Doosje et al., 2016). Первая группа образована составляющими политического и экономического характера, вторая – психологического и социально-демографического. В настоящей работе в центре нашего интереса будут психологические и социально-психологические факторы, которые объясняют вовлеченность в террористическую деятельность.

Немногочисленные работы психологического толка 1960-х гг., в которых рассматривался вопрос радикализации, апеллировали к патологической личности тех, кто вовлечен в террористическую активность (Vogum, 2011a). Попытки выделить патологический психологический профиль террориста оказались безуспешными, ибо не позволили говорить о психопатологических механизмах радикализации, различиях между индивидами, вовлеченными в террористическую деятельность и представителями «нормальной» популяции по переменным, касающимся социально-эмоционального функционирования (Doosje et al., 2011).

В современной западной психологии среди исследователей имеет место консенсус относительно того, что объяснительными конструктами феномена радикализации оказываются психологические переменные, используемые для «нормальной» популяции, что в очередной раз подтверждается результатами недавнего систематического анализа литературы по проблеме связи психического неблагополучия и вовлеченности в террористическую деятельность: сами психические расстройства не являются ни единственным, ни достаточным фактором для объяснения радикализации и вовлеченности в террористическую деятельность. Среди организованных групп террористов психическое расстройство отсутствует, среди одиноких террористов распространенность расстройств выше, чем среди населения в целом, при этом наблюдается закономерность: чем более изолированы террористы, тем выше распространенность психических расстройств (Trimbur, 2019).

Анализ проблем терроризма и вовлеченности в террористическую деятельность представлен в целом рядом работ отечественных авторов (например, Ениколопов, 2006; Журавлев, Юревич, 2016; Зинченко, Сурнов, Тхостов, 2007; Казберов, Бовин, Фасоля, 2019; Соснин, 2016; Юревич, 2016). Преобладают попытки выстроить объяснительную схему, но эмпирических исследований, на что указывают и западные коллеги, по-прежнему мало (Pfundmair et al., 2019).

В наши задачи не входит систематический обзор литературы по проблеме вовлеченности в террористическую деятельность (это задача отдельного изучения литературных источников с определением критериев включения той или иной работы в анализ). При всей тщательности анализа проблем терроризма, представленного в работе В.А. Соснина (2016), вне фокуса изучения остались многие вопросы, на что указывает сам автор. Поиск личностной объяснительной причины аналогичен ситуации, сложившейся с исследованиями феномена лидерства, где предпринимались попытки объяснить явление, апел-

лируя к той или иной внутренней причине, на выходе же имелся значительный список «личностных черт», которые имели единичное упоминание (Андреева, 2002). Рассмотрим здесь лишь *некоторые* факторы, объясняющие вовлеченность в террористическую деятельность.

На основе анализа литературных источников С.Н. Ениколопов, рассматривая палитру психологических факторов, которые связываются с вовлеченностью в террористическую деятельность, утверждает, что консенсус исследователей достигается в отношении следующих особенностей: комплекс неполноценности, низкая самооценка, самооправдание, личностная и эмоциональная незрелость (Ениколопов, 2006).

Эти выводы не противоречат результатам эмпирического исследования психологических особенностей осужденных, находящихся в различных местах заключения в России (Казберов, Бовин, Фасоля, 2019). Выборку составили 915 человек (что соответствует 40 % от генеральной совокупности): 1) осужденные за совершение преступления экстремистской направленности; 2) осужденные за совершение преступления террористической направленности; 3) осужденные за совершение преступления экстремистской и террористической направленности. Методики исследования – СМИЛ и анкета, нацеленная на выявление мотивов преступления, – позволили выявить у осужденных конверсионный профиль личности, особенностью которого является доминирование шкал ипохондрии и истерии в сочетании с самой низкой шкалой профиля – шкалой депрессии. Конверсионный тип профиля отражает отсутствие депрессии и страха у этих осужденных. Люди, имеющие такой профиль, обращаются к наиболее простому бессознательный механизму защиты – *отрицают* существование у них каких-либо психологических проблем. Используя механизм *вытеснения*, они отворачиваются от реальности, выстраивают фантазии относительно собственной личности, скрывая симптомы собственной эмоциональной неустойчивости. В результате недостатка самокритики и искаженного представления о себе такая личность часто характеризуется как эгоистичная, зависимая, высоконапряженная и разочаровавшаяся в себе. Эти люди склонны демонстрировать вызывающее, неустойчивое, дерзкое поведение, отличающееся снобизмом, агрессивностью и упорством. Однако все это является лишь компенсацией неустойчивости и эмоциональной лабильности этих личностей, обусловленной наличием психической травмы (Казберов, Бовин, Фасоля, 2019). Идея психической травмы в связи с вовлеченностью в террористическую деятельность получает свое подтверждение и в других работах (Горбунов, 2012).

Ценность исследований в местах заключения состоит в том, что это материал, на котором представляется возможным изучать личность террориста, а также выстраивать модель для оценки риска радикализации в молодежной среде, что по сути и является одной из задач Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации (2018).

Террористическая деятельность выполняется группой, отсюда можно полагать, что психологические особенности террориста связана с исполняемой ролью. Проиллюстрируем эту идею на примере исследования палестинских террористов (Merari et al., 2010). Выборку составил 41 осужденный: 1) кан-

дидаты в «террористы-смертники» (те, у кого взрывное устройство не сработало, а также те, кого арестовали по пути к совершению террористического акта); 2) террористы, вовлеченные в акты насилия, но не исполняющие роль смертников (контрольная группа); 3) организаторы и координаторы действий террористов смертников. Методики исследования: полустандартизованное интервью и проективные методики (тест Роршаха, ТАТ – с последующим анализом четырьмя клиническими психологами и вычислением показателей надежности). Полученные результаты свидетельствуют о различиях в психологических профилях в трех группах испытуемых. Кандидаты в «террористы-смертники» имели значительно более низкий уровень силы Эго, чем террористы-организаторы, большая часть из них демонстрировали зависимый и избегающий тип личности, поддающийся групповому влиянию. Представители других групп характеризовались импульсивным и эмоционально неустойчивым типом личности. Кандидаты в мученики интроецируют свой гнев и влечения, это связывается с предпочтением роли террориста-смертника. Представители других групп – экстернализируют гнев, они успешнее справляются с ролями, не требующими самоуничтожения. Таким образом, как отмечают исследователи, можно полагать, что сила Эго в сочетании с типом личности позволяют различать три категории террористов (Merari et al., 2010).

Другой фактор вовлеченности в террористическую деятельность – мотивация (Зинченко, Сурнов, Тхостов, 2007). Стартовый тезис размышлений авторов – террористическая деятельность дает возможность опредметить потребности состояния, а также сформированные потребности, влечения и желания. Исходя из этого, вовлеченность в террористическую деятельность связывается с влечением к смерти и агрессией, потребностью в аффилиации и общении, желанием всемогущества, потребностями в безопасности, новых и сильных впечатлениях, самореализации и символической самоидентификации (Зинченко, Сурнов, Тхостов, 2007). Терроризм являет собой недопустимый, незаконный, социально неприемлемый, *но зато* – чрезвычайно эффективный способ проявления базовой агрессии, скрытой под покровом защитных построений (будь то проекция и рационализация). Террористическая деятельность – за исключением террористов-одиночек (категория «одиночного волка») – предполагает групповую деятельность, вовлечение в группу, отсюда – группа удовлетворяет потребность в аффилиации и в общении, тем более группа, состоящая из единомышленников, учителей, помощников (другими словами – знающих людей). По сути, это узкий круг избранных, принадлежность к этой категории избавит индивида от неуверенности, создаст иллюзию контроля над ситуацией. Индивид даст организации свою преданность, в обмен он получит защиту и освобождение от всех проблем, в том числе и морального толка – о чем говорилось выше. Террористическая деятельность открывает возможность выхода за рамки обычной, ординарной, регламентированной жизни (потребность в новых впечатлениях), а также способ быстрой трансформации, по своему смыслу совпадающей со строкой из известного гимна: «Кто был ничем, тот станет всем!». Действительно, человек заурядной судьбы в одночасье становится важным персонажем, попадая на первые страницы газет и журналов, оказывается в фокусе интереса средств массовой

коммуникации (желание всемогущества). Эта трансформация не предполагает длительного процесса, не требует приложения значительных усилий.

С другой стороны, в террористической деятельности возможно приобрести осмысленность жизни (потребность в самореализации), наконец-то преодолеть, как ее называет А.Ш. Тхостов, «хроническую идентификационную недостаточность» (Зинченко, Сурнов, Тхостов, 2007), характерную для западного общества. Преодолевается экзистенциальный вакуум, человек обретает *высшие цели*. Позволим заметить, что эта *недостаточность* присуща не только западному обществу, это черта современного глобализированного мира в более широком смысле. Во-первых, речь скорее идет о том, что традиционные категории, используемые для идентификации, не являются действительными в современном обществе, во-вторых, характерной особенностью настоящей эпохи является неопределенность мира, его непредсказуемость, которая негативно переживается индивидами.

Предложенная Ю.П. Зинченко, К.Г. Сурновым, А.Ш. Тхостовым (2007) интерпретация вовлеченности в террористическую деятельность через призму мотивационных аспектов, апеллирующая и к идеям А.Н. Леонтьева, и к психоаналитическим воззрениям, и к анализу современного общества, представленному в трудах современных мыслителей (Э. Тоффлер, С. Московиси), чрезвычайно любопытна. Эта трактовка перекликается и с идеями Бодрийяра, и с анализом вовлеченности в террористическую деятельность через призму идеи социальной идентичности, о которой пойдет речь в следующем параграфе.

Итак, основываясь на анализе ряда работ, мы продемонстрировали существование факторов вовлеченности в террористическую активность, относительно которых едва ли существует консенсус. Сложно представить, что всего лишь наличие таких психологических особенностей с неизбежностью ведет к готовности выполнять террористические акты. Поэтому далее мы обратимся к социально-психологической трактовке факторов процесса радикализации.

Вовлеченность в террористическую деятельность: социально-психологические переменные

Терроризм – это социальный акт, деятельность, которую реализует группа, межгрупповое взаимодействие, следовательно, ответ на вопрос о вовлеченности в эту деятельность лежит в области интересов и возможностей социально-психологического знания. Теоретические модели, в которых стоит искать этот ответ, принадлежат к более высоким уровням, чем интраиндивидуальный (например, позиционному, идеологическому или интерсоциетальному) в терминологии В. Дуаза (Doise, Valentim, 2015).

С одной стороны, в литературе достаточно четко представлена линия, которая в центр внимания ставит соответствие когнитивного и поведенческого уровней: у индивида формируются радикальные убеждения, которые и приводят к исполнению актов насилия (теракта). Однако наличие убеждений не всегда связывается с переходом к соответствующим действиям. В социально-психологической литературе существует значительный пласт знания, позволяющего объяснить это когнитивно-поведенческое рассогласование, то есть состояние, при котором человек может и не перейти к действиям, сохранив

при этом сами идей (Vorum, 2011a). Более того, определенная часть вовлеченных в террористические действия индивидов не разделяют радикальных убеждений (Vorum, 2011a, 2011b). Тогда требуется другая объяснительная схема.

Конструкт, к которому так или иначе апеллируют в литературе, – социальная идентичность (Hogg, 2013; King, Taylor, 2011), определяемая Г. Тэшфелом как «знание индивидом своей принадлежности к определенным социальным группам вместе с некоторой эмоциональной и ценностной значимостью для него принадлежности к этой группе» (Haslam et al., 2018. P. 15). Это важное знание, ибо чувство self люди извлекают именно из принадлежности к социальным группам.

Теория неопределенности – идентичности М. Хогга дает объяснение тому, почему люди вступают в группировки с экстремистскими и радикальными взглядами, обращаясь к конструкту неопределенности (Hogg, 2013). В повседневной жизни нас все время подстерегает неопределенность, которая вносится будь то безработицей, войной, кризисом, а в настоящей ситуации – пандемией COVID-19. Для управления неопределенностью индивид стремится к другим, чтобы понять, как стоит мыслить, чувствовать и действовать. Неопределенность, связанная с self особенно тревожна, ибо порождает вопросы о том, кто мы такие, каково наше место в этом мире, как нужно думать и чувствовать в том или ином контексте. Здесь требуются другие, чтобы они сказали – как надо. Лучший способ узнать, что и как думают другие – это коммуникация. Переживая неопределенность, люди становятся уязвимыми к разделению радикальных идей и членству в соответствующих группировках, поскольку таким образом они получают прямые и однозначные ответы на беспокоящие их вопросы. Способ снизить неопределенность – это принадлежность к группе – она является основой для самоопределения, так как индивид обретает исковую социальную идентичность, получает нормы и правила поведения, направление мыслей и чувств. Объяснения, апеллирующие к интраиндивидуальному уровню объяснения, о которых речь шла выше, явно игнорируют факт важности социальной идентичности для индивида, концентрируя внимания на том, что в теории Г. Тэшфела (1982) получило название персональной идентичности, конструкте, указывающем на индивидуальность, который не проливает света на то, зачем человеку нужна групповая принадлежность.

К особенностям современного мира, несомненно, относится факт встраивания технологий в картину мира человека в такой степени, что возникает ощущение, будто он является участником многочисленных глобальных процессов, происходящих далеко от него. Большая часть повседневной жизни связана с использованием коммуникативных технологий. «Социальные медиа (и сопутствующие им технологии) представляют собой, вероятно, самый большой переворот в том, как люди взаимодействуют друг с другом со времен Уильяма Джеймса» (Kende et al., 2015. P. 277). Современный глобализированный мир становится непредсказуемым, непонятным, пугающим, процесс общения в нем трансформировался, а традиционные основания для категоризации не срабатывают, порождая неопределенность (Haslam et al., 2018). Все это и определяет применимость и потенциал теории Хогга (Hogg, 2013). Другими словами, стартовой точкой для обнаружения ответа на вопрос о том, почему

человек становится на путь радикализации, должен быть не поиск внутреннего конструкта, будь то характеристика личности или индивидуально-психологическая особенность индивида, а именно запрос на социальную идентичность, которая спасет человека от пугающей неопределенности.

Заключение

Теоретико-аналитическое исследование проблемы терроризма, предпринятое в работе, позволяет сделать ряд выводов: во-первых, идея борьбы с глобализмом современной цивилизации является притягательной для значительного числа представителей молодежи, страдающей от неустроенности, смысловой неопределенности собственной жизни и неопределенности мира. Во-вторых, в условиях современности террористический акт получает мгновенное распространение по миру, и это событие приобретает необыкновенную силу воздействия. В-третьих, либеральная идея умирает в сознании людей, а глобализация превращается в своего рода тотальный контроль за личностью в условиях террористической опасности. В-четвертых, вовлеченность в террористическую деятельность связана с целым рядом психологических факторов, будь то комплекс неполноценности, низкая самооценка, самооправдание, личностная и эмоциональная незрелость и др. Неотреагированная в раннем периоде жизни психическая травма также может повлиять на вектор развития личности, приведя ее в конечном счете на путь крайнего насилия в виде террористической деятельности. Наконец, террористическая деятельность дает возможность опредметить потребностные состояния, сформированные потребности, влечения и желания, что делает эту активность особенно привлекательной.

В заключение, обозначим исследовательскую линию дальнейшего изучения интересующего нас явления. Акты насилия совершаются группировками, то есть речь идет о *групповой* деятельности, отсюда понимание процесса радикализации с необходимостью требует обращения к конструктам позиционного, идеологического или интерсоциетального уровней – в терминах В. Дуаза (2015). В этой связи теория социальной идентичности, сформулированная Г. Тэшфелом, а также развитие ее идей в работах учеников и последователей, является ключевым теоретическим конструктом для понимания мотивации вовлеченности в террористическую деятельность и самого процесса радикализации. Теория социальной идентичности Г. Тэшфела (1982) – это психология межгрупповых отношений, а теория самокатегоризации Дж. Тернера (Haslam et al., 2018) – психология группового поведения, следовательно, исследование проблем терроризма в русле этой социально-психологической традиции позволило бы восполнить пробел, на который указывает В.А. Соснин (2016), говоря о групповом уровне анализа проблемы. Очевидна необходимость эмпирических исследований вопроса, ибо пока теоретическое знание явно преобладает над эмпирической проверкой оно, на что неоднократно указывается в литературе. Только единичные исследования проводятся на группах действующих террористов в рамках теории слияния идентичностей (Swann et al., 2014).

Исходя из сказанного, изучение осужденных за преступления террористической направленности видится перспективными не только для понима-

ния этого сложного явления на уровне психологических механизмов и проверки построений, основанных на теории социальной идентичности, в частности – теории неопределенности – идентичности М. Хогга, который полагает, что пребывание в местах лишения свободы прямым образом связано с переживаниями неопределенности, что позволяет объяснять радикализацию, происходящую в тюрьмах (Hogg, 2015). Действия в этом направлении необходимым как для профилактики радикализации в местах лишения свободы, так и для оценки риска радикализации в более широкой популяции по аналогии с тем, как это делается в Канаде или Великобритании.

Перспективным видится включение в модель оценки риска радикализации такого фактора, как социальная идентичность. Безусловно, имеют место этические моменты и спорность метода, позволяющего вычислить вероятность радикализации индивида, однако продвижение в этом направлении способствовало бы приближению к более точной схеме, пригодной для осуществления мониторинга в молодежной среде.

Список литературы

- Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект пресс, 2002. 364 с.
- Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: Рипол-Классик, 2017. 226 с.
- Горбунов К.Г. Терроризм: история и современность. Социально-психологическое исследование. М.: Форум, 2012. 398 с.
- Ениколопов С.Н. Терроризм и агрессивное поведение // Национальный психологический журнал. 2006. № 1. С. 28–32.
- Журавлев А.Л., Юревич А.В. Социально-психологические факторы вступления молодежи в ИГИЛ // Вопросы психологии. 2016. № 3. С. 16–28.
- Зинченко Ю.П., Сурнов К.Г., Тхостов А.Ш. Мотивация террориста // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2007. № 2. С. 20–34.
- Казберов П.Н., Бовин Б.Г., Фасоля А.А. Психологический профиль террориста // Психология и право. 2019. Т. 9. № 3. С. 141–157. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090311>
- Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы (утв. Президентом Российской Федерации от 28.12.2018 № Пр-2665). URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2632>
- Милгрэм С. Подчинение авторитету: научный взгляд на власть и мораль. М.: АНФ, 2016. 282 с.
- Оганесян С.С., Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Дикопольцев Д.Е. Проблема распространения религиозного экстремизма в местах лишения свободы // Ведомости Уголовно-исполнительной системы. 2019. № 3. С. 51–59. URL: http://or.fsin.su/vedomosti/detail.php?ELEMENT_ID=462214
- Соснин В.А. Психология терроризма и противодействие ему в современном мире. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 344 с.
- Соснин В.А., Нестик Т.А. Современный терроризм. Социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 240 с.
- Тихонова А.Д. Социальные медиа и молодежь: риск радикализации // Психология и право. 2018. Т. 8. № 4. С. 55–64. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080406>
- Тихонова А.Д., Дворянчиков Н.В., Эрнст-Винтила А., Бовина И.Б. Радикализация в подростково-молодежной среде: в поисках объяснительной схемы // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 3. С. 32–40. <https://doi.org/10.17759/chp.2017130305>

- Юревич А.В. Социально-психологические причины вступления молодежи в ИГИЛ // Наука. Культура. Общество. 2016. № 2. С. 105–118.
- Borum R. Radicalization and involvement in violent extremism I: A review of definitions and applications of social science theories // Journal of Strategic Security. 2011a. Pp. 7–36. <http://dx.doi.org/10.5038/1944-0472.4.4.1>
- Borum R. Radicalization and involvement in violent extremism II: A review of conceptual models and empirical research // Journal of Strategic Security. 2011b. Pp. 37–62. <http://dx.doi.org/10.5038/1944-0472.4.4.2>
- Conesa P., Huyghe F.B., Chouraqui M. La propagande francophone de Daech: la mythologie du combattant heureux. FMSH. Observatoire des radicalisations. Paris, 2016. 230 p.
- Doise W., Valentim J.P. Levels of analysis in social psychology // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences / ed. by J. D. Wright. Oxford: Elsevier, 2015. Pp. 899–903.
- Doosje B., Loseman A., Van den Bos K. Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. No 3. Pp. 586–604. <https://doi.org/10.1111/josi.12030>
- Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A.W., de Wolf A., Mann L., Feddes A.R. Terrorism, radicalization, and de-radicalization // Current Opinion in Psychology. 2016. No 11. Pp. 79–84. <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2352250X16300811>
- Galland O., Muxel A. La tentation radicale: enquête auprès des lycéens. Paris: Presses Universitaires de France, 2018. 464 p.
- Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and Extremism // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. No 3. Pp. 495–517. <https://doi.org/10.1111/josi.12026>
- Global Terrorism Database. 2020. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?search=&sa.x=54&sa.y=3>
- Global Terrorism Index 2019: Measuring the Impact of Terrorism / Institute for Economics & Peace. Sydney, 2019. URL: <http://visionofhumanity.org/reports>
- Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. The new psychology of health. London: Routledge. 2018. 490 p.
- Hogg M.A. To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty // Revista de Psicologia Social. 2015. Vol. 30. Pp. 586–613. <https://doi.org/10.1080/02134748.2015.1065090>
- Hogg M.A. Uncertainty and the Roots of Extremism // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. Pp. 407–418. <https://doi.org/10.1111/josi.12021>
- Kende A., Ujhelyi A., Joinson A., Greitemeyer T. Putting the social (psychology) into social media // European Journal of Social Psychology. 2015. Vol. 45. Pp. 277–278. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2097>
- King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence // Terrorism and Political Violence. 2011. No 4. Pp. 602–622. <https://doi.org/10.1080/09546553.2011.587064>
- Koomen W., Van der Pligt J. Introduction // The Psychology of Radicalization and Terrorism / ed. by W. Koomen, J. van der Pligt. New York: Routledge, 2016. Pp. 1–10.
- Merari A., Diamant I., Bibi A., Broshi Y., Zakin G. Personality Characteristics of “Self Martyrs”/“Suicide Bombers” and Organizers of Suicide Attacks’ // Terrorism and Political Violence. 2010. Vol. 22. Pp. 87–101. <https://doi.org/10.1080/09546550903409312>
- Moghaddam F.M. The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration // American Psychologist. 2005. No 60. Pp. 161–169.
- Moliner P., Bovina I., Tikhonova A. Images propagatrices et textes propagandistes dans la communication islamiste // 12ème édition du Congrès International de Psychologie Sociale en Langue Française, Louvain-la-Neuve, 4–6 juillet 2018. Louvain-la-Neuve, 2018.

- Oberlé D., Beauvois J.-L., Courbet D.* Une transposition du paradigme d'obéissance de Milgram à la télévision: enjeux, résultats et perspectives // *Connexions*. 2011. Vol. 95. Pp. 71–88.
- Pfundmair M., Afsmann E., Kiver B., Penzkofer M., Scheuermeyer A., Sust L., Schmidt H.* Pathways toward Jihadism in Western Europe: An Empirical Exploration of a Comprehensive Model of Terrorist Radicalization // *Terrorism and Political Violence*. 2019. Pp. 1–23. <https://doi.org/10.1080/09546553.2019.1663828>
- Silke A.* The study of terrorism and counterterrorism // *Routledge handbook of terrorism and counterterrorism* / ed. by A. Silke. New York: Routledge, 2019. Pp. 1–10.
- Swann W.B., Buhrmester M.D., Gómez A., Jetten J., Bastian B., Vázquez A., Ariyanto A., Besta T., Christ O.* What makes a group worth dying for? Identity fusion fosters perception of familial ties, promoting self-sacrifice // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2014. Vol. 106. Pp. 912–926. <https://doi.org/10.1037/a0036089>
- Tajfel H.* Social psychology of intergroup relations // *Annual Review of Psychology*. 1982. Vol. 33. Pp. 1–39. <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.33.020182.000245>
- Trimbur M.* Les terroristes et personnes radicalisées ont-ils des troubles mentaux? Une revue systématique de la littérature: Thèse pour le diplôme d'Etat de docteur en médecine. Lille: Université de Lille, 2019. 141 p.
- Wieviorka M.* From the “classic” terrorism of the 1970s to contemporary “global” terrorism // *Societies under threat* / ed. by D. Jodelet, J. Vala, E. Drozda-Senkowska. Cham: Springer, 2020. Pp. 75–85. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-39315-1>

История статьи:

Поступила в редакцию: 7 апреля 2020 г.

Принята к печати: 15 мая 2020 г.

Для цитирования:

Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б. Вовлеченность в террористическую деятельность в России и мире: от психологических к социально-психологическим факторам // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2020. Т. 17. № 2. С. 227–246. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-2-227-246>

Сведения об авторах:

Бовин Борис Георгиевич, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (Москва, Россия). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>; eLIBRARY SPIN-код: 3552-3073; AuthorID: 540418. E-mail: bovinbg@yandex.ru

Казберов Павел Николаевич, кандидат психологических наук, старший инспектор отдела организации психологической работы Управления воспитательной, социальной и психологической работы, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (Москва, Россия). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-2233-0230>; eLIBRARY SPIN-код: 5525-1957; AuthorID: 772928. E-mail: opodnii@yandex.ru

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (Москва, Россия). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>; eLIBRARY SPIN-код: 9663-3747; AuthorID: 276224. E-mail: innabovina@yandex.ru

Involvement in terrorist activities in Russia and in the world: from psychological to social-psychological factors

Boris G. Bovin¹, Pavel N. Kazberov¹, Inna B. Bovina²

¹Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
15A Narvskaya St, bldg. 1, Moscow, 125130, Russian Federation

²Moscow State University of Psychology and Education
29 Sretenka St, Moscow, 127051, Russian Federation

Abstract. Terrorism is an extremely serious problem of our time: it is a real threat to society and to the existence of humanity as a whole. The purpose of the proposed theoretical and analytical study of the problem of terrorism is to consider the psychological and social psychological factors of involvement in terrorist activities. To achieve the set goal, the authors analyse a number of foreign works and suggest a research line of this problem in order to be able to form a system for monitoring the youth environment. This determines the novelty and significance of this work. The relevance of addressing this complex interdisciplinary problem is explained by the fact that measures to counter terrorism are necessarily based on knowledge of the psychological factors that lead to radicalisation; equally, the development of preventive measures aimed at various groups of the population as well as the creation of programmes for deradicalisation are based on an understanding of the mechanisms of social behaviour. The starting point in the work is the concept of modern terrorism proposed by J. Baudrillard, because this author gives a quite accurate description of the specifics of modern (global) terrorism, which is in harmony with the results of psychological research and concepts that explain why a person takes the path of committing acts of extreme violence. The paper discusses the existence of a terrorist profile and examines the specifics of terrorist motivation. Special attention is paid to the ideas of M. Hogg, in the framework of the uncertainty – identity theory, which outlines the prospects for further development of the problem of terrorism and radicalisation.

Key words: terrorism, radicalisation, terrorist profile, terrorist motivation, Russia, counterterrorism, social identity, social media

References

- Andreeva, G.M. (2002). *Sotcial'naya Psikhologiya*. Moscow: Aspekt press. (In Russ.)
- Baudrillard, J. (2017). *Duh Terrorizma. Vojny v Zalive ne bylo*. Moscow: Ripol-Klassik Publ. (In Russ.)
- Borum, R. (2011a). Radicalization and involvement in violent extremism I: A review of definitions and applications of social science theories. *Journal of Strategic Security*, 4(4), 7–36. <http://dx.doi.org/10.5038/1944-0472.4.4.1>
- Borum, R. (2011b). Radicalization and involvement in violent extremism II: A review of conceptual models and empirical research. *Journal of Strategic Security*, 4(4), 37–62. <http://dx.doi.org/10.5038/1944-0472.4.4.2>
- Conesa, P., Huyghe, F.B., & Chouraqui, M. (2016). *La Propagande Francophone De Daech: La Mythologie Du Combattant Heureux*. FMSH. Observatoire Des Radicalisations. Paris.
- Doise, W., & Valentim, J.P. (2015). Levels of analysis in social psychology. In: J.D. Wright (Ed.), *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences* (pp. 899–903). Oxford: Elsevier.

- Doosje, B., Loseman, A., & Van den Bos, K. (2013). Determinants of radicalisation of Islamic youth in the Netherlands: Personal uncertainty, perceived injustice, and perceived group threat. *Journal of Social Issues*, 69, 586–604. <https://doi.org/10.1111/josi.12030>
- Doosje, B., Moghaddam, F.M., Kruglanski, A.W., de Wolf, A., Mann, L., & Feddes, A.R. (2016). Terrorism, radicalization, and de-radicalization. *Current Opinion in Psychology*, 11, 79–84. Retrieved from <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2352250X16300811>
- Enikolopov, S.N. (2006). Terrorism and aggressive behavior. *National Psychological Journal*, (1), 28–32. (In Russ.)
- Galland, O., & Muxel, A. (2018). *La Tentation Radicale: Enquête Auprès Des Lycéens*. Paris: Presses Universitaire de France.
- Gelfand, M.J., LaFree, G., Fahey, S., & Feinberg, E. (2013). Culture and Extremism. *Journal of Social Issues*, 69(3), 495–517. <https://doi.org/10.1111/josi.12026>
- Global Terrorism Database (2020). Retrieved from <https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?search=&sa.x=54&sa.y=3>
- Gorbunov, K.G. (2012). *Terrorizm: Istorija i Sovremennost'. Sotcial'no-Psikhologicheskoe Issledovanie*. Moscow: Forum Publ. (In Russ.)
- Haslam, C., Jetten, J., Cruwys, T., Dingle, G., & Haslam, S.A. (2018). *The New Psychology of Health*. London: Routledge.
- Hogg, M. (2013). Uncertainty and the Roots of Extremism. *Journal of Social Issues*, 69, 407–418. <https://doi.org/10.1111/josi.12021>
- Hogg, M.A. (2015). To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty. *Revista de Psicología Social*, 30, 586–613. <https://doi.org/10.1080/02134748.2015.1065090>
- Institute for Economics & Peace. (2019). Global Terrorism Index 2019: Measuring the Impact of Terrorism. Sydney. Retrieved from <http://visionofhumanity.org/reports>
- Kazberov, P.N., Bovin, B.G., & Fasolya, A.A. (2019). Psychological profile of a terrorist. *Psychology and Law*, 9(3), 141–157. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090311> (In Russ.)
- Kende, A., Ujhelyi, A., Joinson, A., & Greitemeyer, T. (2015). Putting the social (psychology) into social media. *European Journal of Social Psychology*, 45, 277–278. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2097>
- King, M., & Taylor, D.M. (2011). The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence. *Terrorism and Political Violence*, (4), 602–622. <https://doi.org/10.1080/09546553.2011.587064>
- Kompleksnyj plan protivodejstvija ideologii terrorizma v Rossijskoj Federacii na 2019–2023 gody (utv. Prezidentom Rossijskoj Federacii ot 28.12.2018 No Pr-2665). Retrieved from <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2632> (In Russ.)
- Koomen, W., & Van der Pligt, J. (2016). Introduction. In: W. Koomen, J. van der Pligt (Eds.), *The Psychology of Radicalization and Terrorism* (pp. 1–10). New York: Routledge.
- Merari, A., Diamant, I., Bibi, A., Broshi, Y., & Zakin, G. (2010). Personality Characteristics of “Self Martyrs”/“Suicide Bombers” and Organizers of Suicide Attacks'. *Terrorism and Political Violence*, 22, 87–101. <https://doi.org/10.1080/09546550903409312>
- Milgram, S. (2016). *Podchinenie Avtoritetu: Nauchnyj Vzglyad na Vlast' i Moral'*. Moscow: ANF Publ. (In Russ.)
- Moghaddam, F.M. (2005). The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration. *American Psychologist*, 60, 161–169.
- Moliner, P., Bovina, I., & Tikhonova, A. (2018). Images propagatrices et textes propagandistes dans la communication islamiste. *12ème édition du Congrès International de Psychologie Sociale en Langue Française (Louvain-la-Neuve, 4–6 juillet 2018)*. Louvain-la-Neuve.

- Oberlé, D., Beauvois, J.-L., & Courbet, D. (2011). Une transposition du paradigme d'obéissance de Milgram à la télévision: enjeux, résultats et perspectives. *Connexions*, 95, 71–88.
- Oganesyan, S.S., Bovin, B.G., Kazberov, P.N., & Dikopoltsev, D.E. (2019). The problem of spreading religious extremism in places of deprivation of liberty. *Statements of the Criminal Executive System*, (3), 51–59. (In Russ.)
- Pfundmair, M., Aßmann, E., Kiver, B., Penzkofer, M., Scheuermeyer, A., Sust, L., & Schmidt, H. (2019). Pathways toward Jihadism in Western Europe: An Empirical Exploration of a Comprehensive Model of Terrorist Radicalization. *Terrorism and Political Violence*, 1–23. <https://doi.org/10.1080/09546553.2019.1663828>
- Silke, A. (2019). The study of terrorism and counterterrorism. In: A. Silke (Ed.), *Routledge Handbook of Terrorism and Counterterrorism* (pp. 1–10). New York: Routledge.
- Sosnin, V.A. (2016) *Psikhologija Terrorizma i Protivodejstvie emu v Sovremennom Mire*. Moscow: Institut psikhologii RAS Publ. (In Russ.)
- Sosnin, V.A., & Nestik, T.A. (2008). *Sovremennyj Terrorizm. Sotsial'no-Psikhologicheskij Analiz*. Moscow: Institut psikhologii RAS Publ. (In Russ.)
- Swann, W.B., Buhrmester, M.D., Gómez, A., Jetten, J., Bastian, B., Vázquez, A., Ariyanto, A., Besta, T., & Christ, O. (2014). What makes a group worth dying for? Identity fusion fosters perception of familial ties, promoting self-sacrifice. *Journal of Personality and Social Psychology*, 106, 912–926. <https://doi.org/10.1037/a0036089>
- Tajfel, H. (1982). Social psychology of intergroup relations. *Annual Review of Psychology*, 33, 1–39. <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.33.020182.000245>
- Tikhonova, A.D. (2019) Social media and youth: the risk of radicalization. *Psychology and Law*, 8(4), 55–64. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080406> (In Russ.)
- Tikhonova, A.D., Dvoryanchikov, N.V., Ernst-Vintila, A., & Bovina, I.B. (2017). Radicalisation of Adolescents and Youth: In Search of Explanations. *Cultural-Historical Psychology*, 13(3), 32–40. <https://doi.org/10.17759/chp.2017130305> (In Russ.)
- Trimbur, M. (2019). *Les Terroristes Et Personnes Radicalisées Ont-Ils Des Troubles Mentaux? Une Revue Systématique De La Littérature Thèse Pour Le Diplôme D'état De Docteur En Médecine*. Lille: Université de Lille.
- Wieviorka, M. (2020). From the “classic” terrorism of the 1970s to contemporary “global” terrorism. In: D. Jodelet, J. Vala, E. Drozda-Senkowska (Eds.), *Societies under threat* (pp. 75–85). Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-39315-1>
- Yurevich, A.V. (2016). Social psychological reasons for young people to join ISIS. *Science. Culture. Society*, (2), 105–118. (In Russ.)
- Zhuravlev, A.L., & Yurevich, A.V. (2016). Socio-psychological factors of youth joining ISIS. *Psychology Issues*, (3), 16–28. (In Russ.)
- Zinchenko, Yu. P., Surnov, K.G., & Tkhostov, A.Sh. (2007). Motivation of a terrorist. *Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology*, (2), 20–34. (In Russ.)

Article history:

Received: 7 April 2020

Revised: 12 May 2020

Accepted: 15 May 2020

For citation:

Bovin, B.G., Kazberov, P.N., & Bovina, I.B. (2020). Involvement in terrorist activities in Russia and in the world: From psychological to social-psychological factors. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(2), 227–246. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-2-227-246>

Bio notes:

Boris G. Bovin, PhD in Psychology, is Associate Professor, leading researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Moscow, Russia), ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>; eLIBRARY SPIN-code: 3552-3073; AuthorID: 540418. E-mail: bovinbg@yandex.ru

Pavel N. Kazberov, PhD in Psychology, is senior inspector of the Department of Organization of Psychological Work, Faculty of Educational, Social and Psychological Work, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russia). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-2233-0230>; eLIBRARY SPIN-code: 5525-1957; AuthorID: 772928. E-mail: opodnii@yandex.ru

Inna B. Bovina, Doctor of Psychology, is Associate Professor, Moscow State University of Psychology and Education (Moscow, Russia). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>; eLIBRARY SPIN-code: 9663-3747; AuthorID: 276224. E-mail: innabovina@yandex.ru